

ГАНЗЕЙСКОЕ ПРАВО В НОВГОРОДЕ И БРЮГГЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УСТАВОВ ГАНЗЕЙСКИХ КОНТОР

Васильев Григорий Максимович,
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
vasilyev.gr@gmail.com

© Васильев Г. М., 2025

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ правовых основ управления конторами Ганзейского союза — Новгородской (на материале сохранившейся редакции ее устава) и Брюггской (на основе Устава 1347 г.). Исследование фокусируется на выявлении механизмов адаптации единых принципов Ганзы к кардинально различающимся правовым и политическим контекстам на восточной (Новгород) и западной (Брюгге) перифериях союза. Автор полагает, что, несмотря на общую основу в лице Любекского городского права, управленческие модели контор развивались по разным траекториям. В Новгороде, где поддержание экстерриториального статуса требовалось в условиях чуждой правовой среды, сформировалась жестко централизованная система с единоличным старостой, назначаемым из метрополии (Любек/Готланд). Этот староста концентрировал в своих руках исключительные административные и судебные полномочия, включая применение архаичных санкций по принципу талиона («жизнь за жизнь», «рука за рану»), вероятно заимствованных из местной традиции, а также строгий контроль за хранением торговых грамот и разрешением споров перед отъездом купцов. Санкции за нарушения были преимущественно высокими денежными штрафами и лишением торговых прав. В Брюгге, взаимодействуя с городскими институтами Фландрии, Ганза реализовала сложную коллегиальную модель. Купечество делилось на территориальные «трети», каждая из которых ежегодно избирала старшин. Коллегия из шести старшин управляла конторой, принимая решения большинством голосов как внутри себя, так и между третями, при детальной регламентации процедур собраний и судопроизводства, включая штрафы за опоздания или нарушение порядка. Для оперативных решений формировался расширенный совет. Автор полагает, что Ганза создала уникальный прецедент гармонизации разнородных правовых традиций («единство в многообразии») в рамках единого экономического пространства. Исторический опыт адаптации моделей управления к локальным условиям, основанный на гибкости и корпоративной солидарности, имеет большое значение для понимания эволюции международного торгового права и остается актуальным для современной транснациональной интеграции.

Ключевые слова: Ганзейский союз; Новгородский устав; Брюггский устав; Любекское право; ганзейские конторы; управление конторой; правовая адаптация; административное устройство; сравнительно-правовой анализ; санкции в ганзейском праве.

HANSEATIC LAW IN NOVGOROD AND BRUGES: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE STATUTES OF HANSEATIC OFFICES

Grigoriy M. Vasilyev,

Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

vasilyev.gr@gmail.com

Abstract. *The article presents a comparative analysis of the legal foundations of the management of the offices of the Hanseatic League — Novgorod (based on the material of the surviving edition of its charter) and Bruges (based on the Charter of 1347). The study focuses on identifying mechanisms for adapting the unified principles of the Hansa to radically different legal and political contexts in the eastern (Novgorod) and western (Bruges) peripheries of the union. The author believes that, despite the general basis in the person of Lübeck city law, the management models of offices developed along different trajectories. In Novgorod, where maintaining extraterritorial status was required in an alien legal environment, a rigidly centralized system was formed with a sole headman appointed from the metropolis (Lubeck/Gotland). This headman concentrated in his hands exclusive administrative and judicial powers, including the application of archaic talion sanctions («life for life», «hand for wound»), probably borrowed from the local tradition, as well as strict control over the storage of trade letters and the resolution of disputes before the merchants left. Sanctions for violations were predominantly high monetary fines and deprivation of trade rights. In Bruges, interacting with the urban institutions of Flanders, the Hansa implemented a complex collegial model. The merchants were divided into territorial «thirds», each of which annually elected foremen. A panel of six foremen managed the office, making decisions by a majority vote both within itself and between thirds, with detailed regulation of the procedures of meetings and legal proceedings, including fines for delays or violation of order. For operational decisions, an expanded council was formed. The author believes that Hansa has created a unique precedent for harmonizing diverse legal traditions («unity in diversity») within a single economic space. The historical experience of adapting management models to local conditions, based on flexibility and corporate solidarity, is of great importance for understanding the evolution of international trade law and remains relevant to modern transnational integration.*

Keywords: *Hanseatic League; Novgorod Charter; Bruges Charter; Lübeck Law; Hanseatic offices; office management; legal adaptation; administrative structure; comparative legal analysis; sanctions in Hanseatic law.*

В истории европейского права феномен Ганзейского союза (XIII–XVII вв.) занимает особое место как уникальный пример транснациональной правовой системы, возникшей на стыке торговли, политики и культуры. Современные исследователи, например, Юстина Вубс-Мрзоевич, определяют Ганзу прежде всего не как жесткий политический союз или гильдию, а как гибкое «сообщество интересов» и сеть равных партнеров, объединенных общей целью — защитой торговых привилегий и своих купцов за границей¹. Объединив более 200 городов от Брюгге до Новгорода, Ганза не только сформировала экономический каркас Северной Европы, но и создала комплекс правовых норм, регулировавших взаимоотношения между городами-членами, их гражданами и иностранными купцами. Это право стало не просто инструментом решения споров — оно превратилось в механизм интеграции разнородных правовых традиций в единое пространство «ганзейской законности», адаптируясь к локальным условиям. Так, уставы ключевых контор —

¹ Wubs-Mrozewicz J. The Hanse in Medieval and Early Modern Europe: An Introduction // The Hanse in Medieval and Early Modern Europe. Leiden : Brill, 2025. P. 6.

Новгородской и Брюггской — демонстрируют, как единые принципы Ганзы воплощались в различных правовых и управленческих моделях, отражая специфику взаимодействия с местными властями и культурными традициями.

Формально единой правовой системы Ганзейский союз не имел, однако в качестве основы для своего права многие города по всему побережью Балтийского моря взяли Любекское городское право, которое дополнялось местными нормами. Если Новгородский устав сохранился как один из немногих полных памятников Любекского права, то Брюггский устав 1347 г., регулировавший деятельность ганзейской конторы в западной Европе, представляет собой не менее ценный источник для понимания эволюции ганзейских институтов. Сравнительный анализ этих документов раскрывает, как Ганза балансировала между унификацией торговых правил и необходимостью учитывать политико-правовые реалии регионов — от жесткой централизации власти в Новгороде до коллегиального управления в Брюгге. Изучение обоих уставов позволяет проследить, как транснациональное объединение решало дилемму единства и многообразия, оставаясь гибким в условиях средневековой Европы.

Объектом исследования этой статьи стала четвертая Новгородская редакция устава, так как согласно ст. 117 этого же устава, текста предыдущих редакций были испорчены: «...Тогда церковь в Новгороде была закрыта, и купцы оттуда уехали, взяв с собой ценности св. Петра: его ризы, книги, грамоты и старую скру: купцы передали это имущество послам в Дерпте. Тут послы обнаружили в скре, что там некоторые страницы вырезаны, а на некоторых записях был надписан новый текст...»²

Сам устав представляет собой свод из 119 статей. Несмотря на содержательную ценность, устав демонстрирует композиционную фрагментарность: предписания процессуального, уголовного и торгового права перемежаются вне логической последовательности, следуя, вероятно, хронологии внесения правок, а не системному замыслу.

Как уже было упомянуто, большая часть положений посвящена вопросам торговых отношений и внутреннего распорядка конторы, хотя отдельные положения представляют собой нормы уголовного права, уголовного процесса, а также предписания, направленные на устранение торговой конкуренции Ганзейцев. Новгородская скра (название данного документа из ст. 117) изобилует санкциями за нарушение не только предписаний торгового или уголовного характера, но, например, и за нарушение правил хранения товаров. Основным видом наказания выступали большие, от одной до пятидесяти марок, штрафы. В существенные штрафы играли весомую роль в предотвращении конфликтов — убытки от них превышали потенциальную выгоду от правонарушения.

В качестве примера можно привести ст. 20: «Далее, если какой-нибудь человек, кто бы он ни был, оскорбит какими-либо словами старост св. Петра или помощников, когда отсутствует староста двора, тот должен заплатить 10 марок штрафа, от чего освобождения нет»³. Статья 20 демонстрирует характерную казуистичность средневекового права: вместо общего запрета оскорблений она детально прописывает конкретную ситуацию (оскорбление помощников в отсутствие старосты), форму оскорбления (словесную) и фиксированный размер штрафа без возможности освобождения. Эта гиперконкретность, типичная для архаичных правовых систем, отражает стремление предусмотреть все возможные казусы и исключить судебское усмотрение.

Помимо штрафов, за нарушение торговых предписаний также применялись такие санкции, как конфискация товара и лишение торговых привилегий (в тексте — лишение прав двора). Примером таких санкций может послужить статья 72: «Далее, кто хочет пользоваться правами двора св. Петра, не должен объединяться в компанию с фламандцами и с подобными людьми, которые не имеют прав ганзейских купцов

² Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М.: Изд-во Московского университета, 1986. С. 167.

³ Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. С. 144.

и привозить в эту страну их товар под угрозой штрафа в 50 марок и лишения прав двора»⁴. Штраф в 50 марок примечателен тем, что является самым высоким среди всех видов штрафов, перечисленных в уставе, что отражает жесткие меры Ганзы по борьбе с конкуренцией. Также достойно упоминания и лишение прав двора: это не просто наказание, а гражданская смерть в рамках ганзейской общины. Купец, наказанный таким образом, теряет доступ к торговым привилегиям и защите. Помимо того, что эта статья содержит последствия за нарушение предписаний в сфере торговли, она также отражает стремление ганзейских купцов монополизировать торговлю в пределах своих владений, посредством жестких санкций по отношению к неганзейским купцам и их партнерам.

Кроме этого, устав Новгородской конторы содержал и положения уголовного права, закрепленные, например, в ст. 78: «Далее, староста двора имеет право присуждать как к телесным наказаниям, так и к смертной казни; если кто-нибудь нанесет другому смертельную рану ножом, тот потерял и свою жизнь: если кто-нибудь умышленно ранит другого, тот лишается и руки»⁵. Приведенная статья устава Новгородской конторы, устанавливающая принцип «смерть за смерть» и «рука за рану», является прямым отражением архаичного принципа талиона.

Примечательно то, что данный принцип отсутствует в уставах западных контор (например, Брюггском), но «зеркалит» статью 1 пространной редакции Русской Правды: «Если убьет муж мужа, то мстить брату за брата, или отцу, или сыну, или двоюродному брату, или сыну брата...»⁶. Из этого можно сделать вывод, что этот принцип может являться примером адаптации ганзейского права к местной традиции. Это заимствование выглядит особенно логичным на фоне архаичных элементов, таких как «поле» сохранившихся в достаточно сложной, но чуждой для ганзейцев правовой системе Новгорода⁷. Важно отметить, что правовая адаптация в Новгородской конторе носила взаимный характер. Помимо заимствования норм из местной среды (как в случае с талионом), Новгородская скра, будучи ключевым документом, регулирующим статус иностранного купечества, оказала значительное влияние и на русские источники, определявшие правовое положение иностранцев в Новгороде, как отмечает в статье Н. И. Назаренко⁸. Кроме того, эта статья указывает на роль старосты как верховного арбитра во всех делах конторы, что также подтверждается содержанием ст. 82: «Далее, если возникнет раздор здесь в Новгороде между двумя купцами, они не могут уехать из Новгорода, не придя к соглашению, поскольку им это не разрешили староста двора или старосты св. Петра, иначе они лишаются прав двора: если кто имел раздор и не заявил старостам об этом, тот платит штраф в 10 марок»⁹.

Эта статья не только подчеркивает абсолютную власть старосты как верховного арбитра в делах конторы, но и его дипломатическую функцию. Обязательное разрешение споров внутри ганзейской общины под контролем старосты до отъезда из города было критически важно для предотвращения эскалации конфликтов вовне, с новгородскими властями. Согласно учебнику по истории государства и права России за авторством профессора Игоря Андреевича Исаева, споры между новгородскими и иноземными купцами формально должны были разбираться тысяцким с участием

⁴ Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. С. 152.

⁵ Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. С. 154.

⁶ Русская Правда (Пространная редакция) // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. С. 64–80.

⁷ Исаев И. А. История государства и права России : учебник. М. : Норма, 2022. Ч. 1 : Формирование и развитие отечественного государства и права в IX–XVII вв. С. 126.

⁸ Назаренко Н. И. Ганза как европейский торговый контрагент Великого Новгорода в XII–XVII вв. (историко-правовое исследование) // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2015. № 3 (38). С. 30.

⁹ Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. С. 154.

посадника¹⁰. Однако ганзейский устав, судя по ст. 82, стремился полностью исключить необходимость обращения к этому внешнему, сложному и потенциально неблагоприятному для Ганзы механизму, замыкая все внутренние конфликты в рамках юрисдикции старосты конторы.

В обязанности старосты также входит сохранение «привилегий и посланий» — юридической основы существования конторы. Это превращает его в главного гаранта легитимности Ганзы в Новгороде, поскольку привилегии (жалованные грамоты) подтверждали экстерриториальный статус и торговые льготы. Это подтверждается содержанием 116 статьи: «Далее, тому, кто будет избран старостой св. Петра, следует прочесть вслух эту книгу, прежде чем ему будут вручены ключи, чтобы он знал, чем он может руководствоваться; старосты св. Петра должны также хранить наилучшим образом, как только могут, все привилегии и все послания, которые присылаются купцам в Новгород. Далее, если какая-нибудь из вышеназванных грамот пропадет или будет увезена без разрешения объединенного купечества, то виновный в этом староста должен уплатить штраф в 50 марок и лишиться прав двора»¹¹.

Интересен также и тот факт, что данный устав закрепляет положение города Любека как главенствующего, или по крайней мере одного из самых важных городов Ганзейского союза. Об этом говорит тот факт, что староста Новгородской конторы должен был быть прислан либо из Любека, либо из Готланда, что подтверждается содержанием ст. 67: «Далее, когда староста двора отсутствует, то нужно прислать из городов людей, чтобы они избрали старост св. Петра из купцов Любека и Готланда; если таковых здесь не окажется, то нужно избирать людей которые были бы на это пригодны, до того времени, когда приедет кто-нибудь из Любека или с Готланда; равным образом нужно избирать помощников старосты двора»¹².

Статья устанавливает иерархический механизм управления в конторе, подчеркивая доминирующую роль Любека и Готланда в структуре власти. В отсутствие старосты двора выбор заменяющих лиц строго регламентирован: приоритет отдается купцам из Любека и Готланда, что указывает на их исключительный статус в Ганзейском союзе. Только при отсутствии представителей этих городов допускается временное избрание «пригодных» лиц, но с оговоркой — до прибытия уполномоченных из Любека или Готланда. Это демонстрирует, что Любек сохранял контроль над конторами, обеспечивая преемственность власти через «своих» ставленников.

Рассматривая строгую иерархическую систему Новгородской конторы, где вся полнота власти сосредотачивалась в руках назначаемого из Любека старосты (ст. 67), обладавшего исключительными судебными и административными полномочиями (ст. 78), нельзя не отметить принципиально иную организацию управления в западных ганзейских конторах. Это различие было обусловлено не только географическим фактором, но и особенностями взаимодействия с местными властями. Если в Новгороде, на восточной периферии Ганзы, требовалась жесткая централизация власти для поддержания экстерриториального статуса в условиях чуждой правовой среды и защиты торговой монополии. Эта модель управления, доказавшая свою эффективность в обеспечении внутренней дисциплины, разрешении споров и взаимодействии с местными властями в сложных условиях, была впоследствии признана оптимальной и для других изолированных факторий. Наиболее показательным примером является создание Ганзой Немецкого двора в Бергене (Норвегия) и его организации по образцу Новгородской конторы¹³, что служит ярким подтверждением практической обоснованности выбранного для Новгорода пути. В свою очередь, в западноевропейских центрах, таких как Брюгге, где городские власти имели развитую правовую систему, ганзейские купцы могли позволить себе более сложные и демократичные формы самоуправления. Именно эта разница в политико-правовом контексте объясняет,

¹⁰ Исаев И. А. История государства и права России. Ч. 1. С. 150.

¹¹ Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. С. 167.

¹² Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. С. 151.

¹³ Подоляк Н. Г. Ганза // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М. : Наука, 2000. Т. 4 : Extra muros: город, общество, государство. С. 130.

почему устав Брюггской конторы 1347 г., сохраняя общие принципы ганзейского права, разработал принципиально иную — коллегиальную — модель управления.

В сравнении с Новгородским уставом, совершенно иной подход к организации управления демонстрирует устав Брюггской конторы 1347 г., где в ст. 1 четко прописано деление купечества на три территориальные трети: «купцы из Любека, вендских и саксонских городов... в одной трети; купцы из Вестфалии и Пруссии... во второй трети; и купцы с Готланда, из Ливонии, Швеции... в последней трети»¹⁴. Такая система «третей» отсутствует в Новгородском уставе, что позволяет делать выводы о разной природе ганзейского присутствия в городах. Следует также упомянуть, что Ганзейское присутствие легитимизировалось через интеграцию в местное правовое поле. Ганзейцы таким образом могли использовать механизмы локального права для защиты своих привилегий¹⁵, что ярко контрастирует с новгородской изоляцией, где взаимодействие с местными институтами исключалось.

В отличие от новгородской модели с ее жесткой вертикалью власти, здесь установлена сложная система коллегиального управления, где, согласно ст. 2, каждая из третей ежегодно избирала по два старшины, образуя орган управления из шести человек: «Далее, каждый год, через восемь дней после Троицына дня, надлежит избирать двух старшин от каждой трети, и выбранные должны занять должность или уплатить фунт гротов в пользу купечества»¹⁶. Эта норма не только устанавливала ежегодную ротацию руководства, но и предусматривала существенный штраф за отказ от должности, что обеспечивало стабильность управления.

Статья 3 устава Брюгге демонстрирует продуманный механизм сохранения управленческой преемственности, устанавливая, что «В случае если кто из старшин уедет, пять оставшихся должны избрать человека из той трети, откуда происходил шестой старшина»¹⁷. Эта норма обеспечивала оперативное восполнение состава коллегии при сохранении принципа территориального представительства, что было особенно важно для поддержания баланса интересов в крупном торговом центре. В отличие от новгородской системы, где замещение руководства требовало обязательного участия Любека, Брюггский устав допускал локальное решение кадровых вопросов, подчеркивая тем самым автономный статус конторы. Примечательно, что процедура кооптации нового члена коллегии осуществлялась без созыва общего собрания купцов, что свидетельствует о высоком уровне доверия к институту старшин как к профессиональному административному органу. Этот гибкий механизм замещения, сочетавший оперативность принятия решений с сохранением корпоративной ответственности, отражал прагматичный подход Ганзы к управлению в условиях динамичной торговой среды западноевропейских городов.

Эта сложная система представительства получила дальнейшее развитие в детальной регламентации полномочий и процедур управления. Статья 4 устава Брюгге наделяла коллегию старшин широкими административными полномочиями: «Далее, шесть старшин уполномочены повелевать всеми немцами под угрозой штрафа в три гроша, дабы они собирались в условленное время в том месте, где находятся старшины»¹⁸. Еще более значительные полномочия предоставляла статья 5: «Далее, если вопрос представляет особую срочность, старшины могут отдавать приказы кому хотят, под угрозой таких штрафов, какие они назначат»¹⁹, что свидетельствует о высокой степени автономии местного управления в экстренных ситуациях.

¹⁴ Dollinger Ph. Die Hanse. Stuttgart : Alfred Kröner Verlag, 1998. S. 483.

¹⁵ Семенова И. И. Ганзейская торговля в Брюгге в трудах зарубежных историков конца XIX века // Ганзейский союз: от зарождения к возрождению : сборник научных трудов молодых ученых. Великий Новгород : Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2024. С. 117.

¹⁶ Dollinger Ph. Die Hanse. S. 483.

¹⁷ Dollinger Ph. Die Hanse. S. 483.

¹⁸ Dollinger Ph. Die Hanse. S. 483.

¹⁹ Dollinger Ph. Die Hanse. S. 483.

Особый интерес представляет разработанный механизм принятия решений. Статья 7 устанавливала четкий принцип разрешения разногласий внутри коллегии старшин: «Далее, если старшины не согласны между собой, меньшинство должно согласиться с решением большинства»²⁰. Этот же принцип, согласно ст. 8, распространялся и на взаимоотношения между третями: «Далее, если три трети не могут согласиться между собой, тогда надлежит поступать следующим образом: если две трети согласны, третья треть соглашается с их решением»²¹. Коллегиальная структура принятия решений позволила стать Брюгге дипломатическим узлом в западной Европе. Подтверждением эффективности Брюггской системы может послужить случай, когда король Эдуард IV угрожал отменить привилегии Лондонской конторы. Старшины Брюгге помогли свои коллегам из Англии решить эту проблему, организовав сбор информации от третей, инициировав переписку с Любеком и Данцигом, и даже привлекли короля Польши Казимира IV, чье вмешательство сдвинуло переговоры с Английским монархом²².

Статья 9 устава вводит интересный механизм представительства интересов рядовых купцов, устанавливая, что «в вопросах, которые влияют на обыкновенных купцов... мудрейший и самый сведущий из шести старшин становится их глашатаем»²³. При этом особо оговаривается, что если вопрос касается преимущественно одной из третей, то представителем должен выступать старшина именно из этой группы. Это демонстрирует стремление к балансу между централизованным управлением и учетом специфических интересов разных региональных групп.

Статья 10 дополняет систему управления, предписывая, что «шесть старшин выбирают в день [своего избрания] шестерых советников из каждой трети»²⁴. Таким образом формировался расширенный совет из 24 человек (6 старшин и 18 советников), что, согласно ст. 11, позволяло оперативно решать текущие вопросы «без созыва собрания обыкновенных немцев». Эта двухуровневая структура управления обеспечивала как оперативность, так и представительность.

Особое внимание уделялось судебной процедуре. Статья 12 устанавливала строгую дисциплину: «те, кому старшины велят явиться на суд... должны повиноваться под угрозой штрафа»²⁵. Размер штрафа дифференцировался — 2 шиллинга в черте города и 5 за его пределами, что учитывало логистические сложности.

Статьи 13–15 детально регламентировали порядок проведения собраний. Статья 13 предписывала строгий временной регламент: если кто-то приходил после начала заседания, когда «старшины начали говорить», он платил штраф в три гроша²⁶. Статья 14 устанавливала штраф в грош за нарушение субординации — если кто-то «садится на скамью, когда старшины стоят и говорят» или перебивает выступающего²⁷. Статья 15 вводила штраф в пять шиллингов за самовольное открытие двери и три гроша за уход без разрешения, что подчеркивало значение, придававшееся процедурной дисциплине²⁸. Такие меры вполне могли являться стратегическим ответом на систематические конфликты с фламандскими властями. Как отмечает Г. Рогге, графы Фландрии неоднократно нарушали ганзейские привилегии, вводя новые

²⁰ Dollinger Ph. Die Hanse. S. 483.

²¹ Dollinger Ph. Die Hanse. S. 484.

²² Ушаков А. В., Цветкова А. С. К проблеме сотрудничества ганзейских контор Лондона и Брюгге в середине XV в. // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура : материалы IX Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых. Ижевск : Удмуртский университет, 2022. С. 17.

²³ Dollinger Ph. Die Hanse. S. 484.

²⁴ Dollinger Ph. Die Hanse. S. 484.

²⁵ Dollinger Ph. Die Hanse. S. 484.

²⁶ Dollinger Ph. Die Hanse. S. 484.

²⁷ Dollinger Ph. Die Hanse. S. 484.

²⁸ Dollinger Ph. Die Hanse. S. 484.

пошлины вопреки прежним соглашениям¹. Штрафы за нарушение субординации обеспечивали стабильное функционирование коллегиальной системы управления конторой, что обеспечивало оперативность и дисциплину при обсуждении подобных кризисов.

Судебные полномочия старшин закреплены в ст. 16: они «уполномочены брать присягу, дабы говорить правду, под угрозой штрафа в один фунт гротов»². Это положение, касающееся допросов, свидетельствует о развитой системе доказательств.

Наконец, статья 17 регулировала судебные издержки: истец «должен вести [дело] за свой счет»³, но мог назначить представителя, при этом община обязана была оказывать правовую помощь «в соответствии со своими знаниями и умениями». Это создавало баланс между индивидуальной ответственностью и коллективной поддержкой.

Принципиальные различия между двумя уставами проявляются уже в основах организации управления. Брюггский устав, как следует из его первой и второй статей, создавал сложную систему коллегиального управления через три территориальные трети с ежегодно избираемыми старшинами, где «вышеупомянутое купечество делится на три трети». Эта модель радикально отличалась от новгородской системы, где согласно ст. 67 Новгородского устава устанавливалась жесткая вертикаль власти в лице единоличного старосты, назначаемого непосредственно из Любека или Готланда. Разница в подходах особенно заметна при сравнении полномочий: если в Брюгге «шесть старшин уполномочены повелевать всеми немцами» (ст. 4), то в Новгороде староста обладал исключительными полномочиями, включая даже право вынесения решения о смертной казни, о чем прямо говорится в ст. 78.

Механизмы принятия решений в двух уставах также демонстрируют принципиально разные подходы. Брюггский устав в ст. 7–8 вводил прогрессивную для XIV в. систему принятия решений большинством голосов, где четко прописывалось, что «если старшины не согласны между собой, меньшинство должно согласиться с решением большинства». Этот демократический элемент полностью отсутствовал в Новгородском уставе, где власть старосты была абсолютной, а все спорные вопросы, согласно ст. 82, требовали его обязательного разрешения перед отъездом из города, что создавало совершенно иную динамику управления.

Судебные системы двух контор также развивались в разных направлениях. В Брюгге, как следует из ст. 16, судебные функции распределялись между старшинами, которые проводили допросы под присягой «под угрозой штрафа в один фунт гротов». Новгородский устав в ст. 78 наделял старосту исключительными судебными полномочиями, включая применение архаичного принципа талиона («жизнь за жизнь»), вероятно заимствованного из Русской Правды. Интересно, что в Брюгге, согласно ст. 17, истец сам нес расходы по ведению дела, тогда как в Новгороде весь судебный процесс полностью контролировался старостой, что отражало разные подходы к распределению ответственности.

Отношения с метрополией в двух уставах также строились по-разному. Хотя оба документа подчеркивали особую роль Любека, в Новгороде (ст. 67) это выражалось в прямом назначении руководства из метрополии, тогда как в Брюгге влияние Любека было опосредованным — через вендскую треть (ст. 1). При этом Брюггский устав в ст. 11 допускал автономное решение текущих вопросов «без созыва собрания обыкновенных немцев», что в условиях новгородской конторы было совершенно невозможно.

Проведенное сравнительное исследование Брюггского и Новгородского уставов Ганзейского союза раскрывает уникальный пример средневекового правового творчества, где в рамках единой торговой системы сформировались две принципиально разные модели управления. Анализ показал, что Брюггский устав 1347 г., с его

¹ Rogge H. Der Stapelzwang des hansischen Kontors zu Brügge im 15. Jahrhundert. Kiel : Druck von P. Peters, 1903. S. 10.

² Dollinger Ph. Die Hanse. S. 484.

³ Dollinger Ph. Die Hanse. S. 484.

коллегиальной системой старшин, детальной регламентацией процедур (ст. 13–15) и механизмами принятия решений большинством голосов (ст. 7–8), отражал традиции западноевропейского права. В то же время Новгородская Скра, с ее единоличной властью старосты (ст. 67), заимствованием принципа талиона (ст. 78) и отсутствием представительных институтов, демонстрировала высокую адаптивность ганзейского права к условиям русской правовой традиции.

Историко-правовое значение этого феномена трудно переоценить. Ганзейские уставы представляют собой ранний пример успешной гармонизации разнородных правовых систем в рамках единого экономического пространства. Принцип «единство в многообразии», реализованный через дифференциацию управленческих моделей при сохранении общих торговых правил и привилегий, предвосхитил современные подходы к регулированию транснациональных объединений. Особенно показательным, что эта система функционировала без жесткой централизованной власти, опираясь преимущественно на договорные механизмы и корпоративную солидарность.

Современное значение исследования ганзейских уставов проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, они предлагают ценный исторический прецедент для осмысления проблем современной международной интеграции, где также приходится балансировать между унификацией права и уважением национальных особенностей. Во-вторых, Брюггская модель коллегиального принятия решений большинством в 2/3 голосов (ст. 7–8) содержит принципы управления и разрешения спорных моментов, применяемые международными организациями до сих пор. Подтверждением тому может быть содержание п. 2 ст. 18 устава ООН, гласящей: «Решения Генеральной Ассамблеи по важным вопросам принимаются большинством в две трети присутствующих и участвующих в голосовании членов Ассамблеи»⁴. В-третьих, новгородский опыт адаптации иностранного права к местным условиям актуален для современных практик интеграции международного права.

Особую важность представляет изучение этих памятников для понимания эволюции международного торгового права. При этом исторический опыт Ганзы демонстрирует, что устойчивость международных объединений зависит не от степени унификации, а от способности создавать гибкие правовые механизмы, учитывающие политические и культурные реалии разных регионов.

Сравнительный анализ Брюггского и Новгородского уставов позволяет по-новому взглянуть на извечную дилемму правового развития — проблему сочетания единства и многообразия, централизации и автономии. Опыт Ганзы, сумевшей на протяжении веков поддерживать стабильность сложной транснациональной системы без жесткой иерархии и принуждения, заслуживает внимания как историков права, так и современных законодателей, разрабатывающих правовые основы международного сотрудничества в условиях глобализации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Исаев И. А.* История государства и права России : учебник. Ч. 1 : Формирование и развитие отечественного государства и права в IX–XVII вв. — М. : Норма, 2022. — 464 с.
2. *Назаренко Н. И.* Ганза как европейский торговый контрагент Великого Новгорода в XII–XVII вв. (историко-правовое исследование) // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2015. — № 3 (38). — С. 27–33.
3. *Подольяк Н. Г.* Ганза // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 4 : Extramuros: город, общество, государство. — М. : Наука, 2000. — 362 с.
4. *Рыбина Е. А.* Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. — М. : Изд-во Московского университета, 1986. — 174 с.

⁴ Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда. Нью-Йорк : Департамент общественной информации ООН, 2017. С. 8.

5. Семенова И. И. Ганзейская торговля в Брюгге в трудах зарубежных историков конца XIX века // Ганзейский союз: от зарождения к возрождению : сборник научных трудов молодых ученых. — Великий Новгород : Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2024. — С. 114–137.
6. Ушаков А. В., Цветкова А. С. К проблеме сотрудничества ганзейских контор Лондона и Брюгге в середине XV в. // Европа в Средние века и Новое время : Общество. Власть. Культура : материалы IX Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых. — Ижевск : Удмуртский университет, 2022. — С. 15–19.
7. Dollinger Ph. Die Hanse. — Stuttgart : Alfred Kröner Verlag, 1998. — 622 S.
8. Rogge H. Der Stapelzwang des hansischen Kontors zu Brügge im 15. Jahrhundert. — Kiel : Druck von P. Peters, 1903. — 64 S.
9. Wubs-Mrozewicz J. The Hanse in Medieval and Early Modern Europe: An Introduction // The Hanse in Medieval and Early Modern Europe. — Leiden : Brill, 2025. — P. 1–35.

REFERENCES

1. Isaev IA. History of the State and Law in Russia. Part 1: Formation and development of the Russian State and Law in the 9th–17th centuries. Moscow: Norma Publ.; 2022. (In Russ.).
2. Nazarenko NI. Ganza as a European trading counterparty of Veliky Novgorod in the 12–17th centuries (historical and legal research). *Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*. 2015;3(38):27–33. (In Russ.).
3. Podolyak NG. Hanza. In: *Towns in the medieval civilization of Western Europe*. Vol. 4: Extra muros: A city, society, a State. Moscow: Nauka Publ.; 2000. (In Russ.).
4. Rybina EA. Foreign courtyards in Novgorod in 12–17th centuries. Moscow: Moscow State University Publ.; 1986. (In Russ.).
5. Semenova II. Hanseatic trade in Bruges in the works of foreign historians of the late 19th century. In: *Hanseatic League: from inception to revival: a collection of scientific works of young scientists*. Veliky Novgorod: Yaroslav the Wise Novgorod State University Publ.; 2024. (In Russ.).
6. Ushakov AV, Tsvetkova AS. On the problem of cooperation between the Hanseatic offices of London and Bruges in the middle of the 15th century. In: *Europe in the Middle Ages and Modern times: Society. Power. Culture. Proceedings of the 9th All-Russian, with international participation, scientific conference of young scientists*. Izhevsk: Udmurt University Publ.; 2022. (In Russ.).
7. Dollinger Ph. Die Hanse. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag; 1998. (In German).
8. Rogge H. Der Stapelzwang des hansischen Kontors zu Brügge im 15. Jahrhundert. Kiel: Druck von P. Peters Publ.; 1903. (In German).
9. Wubs-Mrozewicz J. The Hanse in Medieval and Early Modern Europe: An Introduction. The Hanse in Medieval and Early Modern Europe. Leiden: Brill Publ.; 2025.